

РАТНЫЙ

БОЕВИК

АНДРЕЙ ГОНЧАРОВ

— Е В П А Т И Й —

КОЛОВРАТ

Москва
2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г65

Гончаров, Андрей Александрович.

Г65 Коловрат / Андрей Гончаров. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 320 с. — (Ратный боевик).

ISBN 978-5-699-95890-0

Рязанского воеводу Евпатия Коловрата не пугают ни отпетые разбойники, ни дикие половцы, ни дальние походы. Он на воинской службе давно, силы и доблести не занимать. Другое тревожило воина: измена в окружении князя, наветы, тайный сговор с врагами. И это накануне грозного нашествия монголов! Коловрат вместе с верными соратниками раскрывает готовящийся заговор и спешит в соседние земли, чтобы уговорить русских князей совместно выступить против надвигающейся опасности. Воевода еще не знает, что беда уже подступила к стенам Рязани и все, что ему остается, — беспощадно мстить коварному врагу за поругание русской земли.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-95890-0

© Гончаров А., 2017
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

ПРОЛОГ

Этот мучительный сон приходил к Евпатию вот уже 14 лет, заставляя снова скрипеть зубами, метаться в ночи на дубовой кровати, стискивать до боли кулаки. Снова и снова он в этом сне лежал с залитым кровью лицом там, где сбили его с коня, где на шелом обрушился страшный удар татарского кривого меча, рассекая сталь и живую плоть. Отчаяние, невыносимое и дикое, заставляло его скрестить пальцами по сухой степной земле, ломая ногти. А в глазах плыло безликое, затянутое пылью солнце, оглушали звуки страшной сечи, в которой конные степняки избивали русских.

Там, где киевские дружинники во главе с князем Мстиславом Романовичем уже третьи сутки оборонялись, закрывшись возами и рогатинами, все изменилось. Евпатий сквозь кровь, заливавшую глаза, видел, что киевляне вдруг сложили оружие и вышли в поле. И двинулись в сторону Днепра. И на них наскочили конные, и безоружных рубили, и конями

топтали в чистом поле десятками и сотнями. И ничем не могли им помочь другие князья, как не помог им Мстислав, наблюдая из своего лагеря за Днепром.

Евпатий хрипел и стонал, кусая в кровь губы, и шарил слабой рукой по сухой траве в поисках меча. И не сном был, не видением столбы пыли, поднимавшийся над камышами со стороны Калмиузской тропы. И как в песнях дряхлых сказителей, которых он слушал в детстве, из пыли вырастали новые и новые конные воины в развевающихся красных плащах, в начищенных шеломах. Казалось, само солнце раздвинуло тучи, чтобы заиграть на нагрудных пластинах брони, на наконечниках копей. Новые и новые воины появлялись и молча выстраивались, ровняя ряды. Вот изогнулся строй подковой, вот показались над шеломами три треугольных знамени — черное с золотом посередине и два красных по сторонам.

Замерли татары, с изумлением глядя на новых русичей. А три сотни воинов медленно и в страшном молчании двинулись на врага. Кони все убыстряли и убыстряли свой бег, степь начала дрожать от мерного глухого стука сотен копыт, опустились острия копий, как хищные жала, нацелившись на лютого врага. И тут Евпатий видел, как заметались татары. Как замельтешили легкие конники, пуская стрелы в накатывающую железную волну

русичей, как собиралась в железную стену им навстречу рядами тяжелая татарская конница. Вот упал один конь под воином, вот покатились еще несколько, сраженных стрелами. Вот слетел с седла молодой безусый юноша, хватаясь окровавленными пальцами за горло, откуда торчала татарская стрела.

Евпатий бежал горящим взором по рядам пронесившихся мимо него воинов, узнавая их. Это были они — северные витязи. Лучшие мужи русских земель, мужественные непобедимые вои, о которых при жизни певцы-сказители разносили весть по городам и весям, восхваляя их подвиги на рубежах земли Русской. Вот пронесся, прикрываясь щитом и закрывая голову коню, ростовский Алеша Попович, и рядом по левую руку от него скакал его верный щитоносец Тороп. А вот и рязанец Добрыня Золотой Пояс, и отец Евпатия Лев вместе с ним стремя в стремя, и Еким Иванович, и другие суздальские, муромские, рязанские, пронские.

Еще зимой того 6731 года¹ отец Евпатия отправился в Суздальскую землю. И в славном Ростове, красном городе, собрались и совещались дружинники, служившие у разных князей. Все как один говорили, что на Руси брат

¹ Летосчисление в Средние века велось от Сотворения мира. По новому стилю (от Рождества Христова) 1223 год.

идет на брата, русич бьет русича, что князя друг с другом не ладят на радость половцам, ляхам и другим иноземцам. И в этих усобицах князя отправляют дружины свои и мужиков-ополченцев избивать друг друга.

И на этом съезде дружинники положили ехать им всем в древнюю мать городов русских Киев и служить там только одному князю — князю киевскому. И уже в пути нашла их весть, что все южные князя вместе с князем киевским пошли к морю Синему походом на хана Чагониза. И приняли северные витязи решение свернуть с главного пути в южные степи. И когда они вышли на Днепр и Калку к Залозному шляху, то увидели, как татарские воины нещадно избивают безоружных киевлян, отняв на честное слово у них оружие. И нет никакой надежды у киевских воинов добраться к Днепру.

Не остановить было этот страшный молчаливый бег сотен боевых коней, вселявший ужас. Евпатий приподнялся на руках, сколько было сил, и смотрел. И тихо молился. И вот ударилась волна железа о железную стену, взметнулась в воздух пыль, и лязг мечей и удары копий заглушили человеческие крики, а когда пыль начала рассеиваться, он понял, что русичи пробили брешь в рядах татарской конницы, смяли их ряды и неслись уже к Днепру. И уже мало их оставалось, когда сно-

ва стали они разворачивать коней навстречу степнякам. Но киевские дружинники безоружные уже достигли днепровских вод...

— Батюшка! Проснись, батюшка! Опять, небось, привиделось тебе, да?

Евпатий открыл глаза, шевельнул пересохшими губами, вглядываясь во встревоженные глаза дочери Жданы. Простоволосая, в накинутом на плечи платке, она держала в одной руке масляный светильник и другой рукой стискивала плечо отца.

— Что ты, что ты, ласочка моя? — хрипло пробормотал Евпатий. — Раны старые мозжат. Ступай к себе. Вот квасу выпью сейчас, и полегчает. Ты ступай к себе. Все хорошо.

Евпатий поднялся с кровати, отбросив шерстяное одеяло, прошел к лавке, где стоял кувшин с квасом. Ждана смотрела на отца с жалостью и нежностью. Высокий, широкоплечий, статный, густая темная борода с еле заметной проседью, курчавые непослушные волосы над пронзительными карими глазами, которые то огнем полыхают, то прямо в душу заглядывают. Одинокие бабы глаз с него не сводят, когда он на коне проезжает или стоит рядом с князем. А вот ведь не забыть ему своей голубушки Милавы. А ведь тяжело мужику без ласкового слова, теплой руки женской в доме. Дочь — это все не то. Невдомек было Ждане, что не те сны мучают ее батюшку, не о том его мысли.

ГЛАВА 1

— А-а, Ипатушка¹. — Кряхтя с деревянной непокрытой лежанки спустил ноги седой монах и подслеповато стал щуриться на вошедшего в деревянную низкую келью высокого широкоплечего воина. — Давно ты ко мне не заезжал, давно.

— Не сердись, отче, — тихо сказал Евпатий, подходя к монаху и обнимая его щедедушное тело. — Времена нынче тяжкие, беспокойные. Много дел.

Воин расстегнул пояс, стянул через голову перевязь меча и сложил все на лавку. Монах смотрел на него с улыбкой, чинно сложив на животе сухонькие руки. Было Стояну уже за восемьдесят. Знал он и отца Евпатия, и мать его. Не один десяток лет был дружинником у князей рязанских. А потом ушел. При-

¹ Евпатий Коловрат крещен был греческим именем Ипатий. Евпатий — русское произношение греческого имени.

нял постриг в Иоанно-Богословском монастыре, но не ушел в уединение и молитву, а часто виделся со старыми друзьями, стал духовником отцу Евпатия. А после гибели того в жестокой сечи на реке Калке 14 лет назад стал пестовать и его сына. Да и сам Евпатий старика любил, часто навещал его, иногда привозил и дочь Ждану в эти тихие места со старинными пещерами и чудотворным источником.

— Как ты, Никон? — спросил воин, окинув взглядом простую обстановку кельи с деревянной лежанкой, единственной лавкой и грубо сбитым столом под иконкой на стене и тусклой масляной лампадкой.

— А времена, Ипатушка, всегда беспокойные и тяжкие, — пропустил мимо ушей вопрос воина старик. — Нам от Господа даны испытания. И труды тяжкие, чтобы к вере прийти и укрепиться в ней. А все иное есть суета.

— Суета? — повысил голос Евпатий, и глаза его полыхнули недобрым огоньком. — Ты бы знал, Никон, как вокруг князя вьются лживые и завистливые люди, как норовят сесть к нему поближе, ручку облобызать, да на пиру вкусно попить, да кусочек послаще получить да подарочек за сладкоречивые речи. А меня земля наша беспокоит. Не ровен час, вернутся степняки, и тогда полыхнут города, черным смоляным дымом беда поднимется над земля-

ми русскими. Так нешто сидеть сложа руки и речи пустые вести?

— Слова правильные говоришь, Ипатушка, только ведь не словами — деяниями славен человек. Слова есть дуновение ветерка, который уносит в степи и ароматы цветов, и запахи навоза скотского.

— А я про што? — угрюмо буркнул Евпатий, поняв, что снова начинает горячиться.

— Не этого боюсь я, — похлопал старческой рукой монах по мощному плечу Коловрата. — Гордыни твоей боюсь. Большой в этом грех. И гнев — тоже большой грех. С любовью к людям нужно, с лаской братской али отеческой. А ты громы раскатываешь, молнии мечешь. Так к сердцам людским пути не проложишь.

— Знаю, старче, — тихо ответил Евпатий и посмотрел в маленькое пыльное окошко, затянутое бычьим пузырем. — Только сердце не терпит. Чую, как волк, опасность чую. Беда близко.

— Не зря тебя Коловратом прозвали, Ипатушка, — с улыбкой сказал старик. — Ты и впрямь как солнцеворот, все норовишь на свой лад повернуть. Как водоворот на реке, все норовишь взбаламутить, вихрем проносишься. Сила в тебе большая, неукротимая.

— Эту силу я давно в себе коплю. С тех пор как меня из седла выбили, как мечом посекали

на берегу Дона, не было дня, чтобы я силушку свою не пестовал, руку не укреплял. Нету в Рязани воина, который смог бы против меня устоять, хоть оконь, хоть пешим.

— Гордыня, Ипатушка, — с укором покачал головой монах.

— Да какая гордыня, Никон, — махнул Евпатий рукой. — Дело говорю. Только одно у меня в голове, старче, в сердце моем — защитить землю родную, когда мой черед придет. Для того и живу! Не надо мне судьбы иной, только защитить земляков, не отдать на поругание веры нашей, матерей, сестер, детишек малых. Не гордыня это, сердцем говорю.

— Ну, тому так и быть. Так какими заботами тебя привело ко мне? По снаряжению походному вижу, что не погулять выехал, не с соколом поохотиться.

— По приказу князя Юрия Ингваревича. Я ему толковал про нашептывателей и певунов, про то, что предательство зреет в городе, что укрепления надо поправлять, пока нам время дадено. А он меня не послушал и отправил в дозор на границе владений. От лихих людишек дороги очистить да обозы охранять, что к князю с данью идут. Оно ведь тоже нужно, дело важное, только не слушает меня князь, а слушает шептунов!

— Ну-ну. — Монах снова положил воину руку на плечо. — Погоди маленько, Ипатуш-

ка. Не ровен час, осознает князь опасность. Не ты ведь один в ратном деле понимаешь. Еще кто подскажет, тогда князь и твои слова вспомнит, так и порешите ладом. Может, мне тебя квасом напоить? Хорош у нас квас в монастыре!

— Спасибо за ласку, Никон, только не до квасу мне. — Евпатий поднялся на ноги, и его голова почти уперлась в низкий почерневший от копоти потолок. — Я приехал просить тебя покинуть монастырь и перебраться в Рязань. Клеть для тебя и в моем доме найдется. А здесь опасно может быть. Не ровен час, татары. Пожгут, никого живым не оставят.

— Господь милостив, Ипатушка, — мягко улыбнулся монах. — А молиться лучше здесь, в этих стенах, в святой обители. И за наши души, а главное, за ваши, за Рязань, за князя, за весь люд от мала до велика. Такова наша доля. Не печалься, ступай своей дорогой, а нам свое написано.

— Ну как знаешь, — кивнул воин, сгребая с лавки пояс и перевязь с мечом.

Старый монах стоял прямой, подслеповатый и благообразный, как икона. Он смотрел на сына своего старого друга, каким тот стал мужем, крепким воином. А ведь в этом Никон тоже кое-что понимал, сам был дружинником когда-то. И как Евпатий был похож на Льва, своего отца. Такой же суровый, такой же креп-

кий, как матерый вепрь, и такой же неукротимый в своих стремлениях и помыслах. Он и вправду лучший из воинов, из тех, кого я знал, подумал старик и, подняв руку, перекрестил Евпатия, выходявшего из кельи. Сохрани тебя Господь!

Полусотня дружинников, спешившись, ждала воеводу в ближнем лесочке поодаль от монастыря. Евпатий шел по густой траве, поглядывая на птиц. Не метались над лесочком, не вились с криками, не уносились прочь от опасности. Не пропали даром труды Евпатия, из года в год учившего своих воинов ратным премудростям. Не видно людей, коней увели вглубь, в балочку, подальше от любопытных глаз проезжего путника. Костров не жгли, громких разговоров не вели, на виду не лежали. Тихо было в лесочке, как будто и не было там никого.

Евпатий по роду своему да по заслугам отцовским, а потом и своим трудом ратным, положение при рязанском князе занимал не малое. В число бояр ближних входил, в дружине княжеской был одним из старших воевод. Выше только сам князь рязанский Юрий Ингваревич да сын его Федор, поставленный над всей дружиной. И в этот поход с малым числом воинов, который можно было поручить любому сотнику, отправился Евпатий не только по приказу князя, а и по своей охоте. И из